

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

Рамиль Миргасимович Валеев

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

ПОВОРОТ НА ВОСТОК

Сборник статей к 70-летию Рамиля
Миргасимовича Валеева

Издательство Арт-Экспресс
Санкт-Петербург — Казань
2025

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
П 42

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института восточных рукописей РАН

Научное издание

Р е ц е н з е н т ы :

Доктор исторических наук Р. А. Набиев
Кандидат философских наук Т. В. Ермакова

Поворот на Восток. Сб. статей к 70-летию Рамиля Миргасимовича
Валеева / Сост. Т. А. Пан. Санкт-Петербург, Арт-Экспресс, 2025. — 564 с., илл.

ISBN 978-5-4391-1035-3

DOI: 10.48612/IVRRAN/ke4v-9zxe-f3u6

Сборник посвящен 70-летию доктора исторических наук, профессора Рамиля Миргасимовича Валеева — историка, преподавателя, крупнейшего в Татарстане специалиста по истории российского востоковедения, архивов и книжных собраний. В сборник вошли статьи его коллег, посвященные истории китаистики, маньчжуроведения, истории Ближнего и Среднего Востока, музейных и книжных коллекций, биографиям и переписке известных ученых, связанных с востоковедением в Казани. Кроме того, в сборнике затронуты вопросы взаимоотношения России и Востока, включая сюжеты, касающиеся истории, культуры и науки Татарстана.

Сборник рассчитан на всех интересующихся достижениями отечественного востоковедения.

© ИВР РАН, 2025

© КФУ, 2025

ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти», 2025

© Коллектив авторов, 2025

ISBN 978-5-4391-1035-3

© Издательство «Арт-Экспресс», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравление	7
<i>Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова.</i> Профессор и коллега Рамиль Миргасимович Валеев: эскиз научной биографии	19
Библиография научных и учебных работ профессора Р.М.Валеева.	48
<i>В.Г. Дацышен.</i> Изучение истории Китая на Академическом этапе истории русского китаеведения	139
<i>Tatiana A. Pang.</i> The Manchu Studies in Russia in the 18 th –19 th Centuries	172
<i>Ю.Г. Благодар.</i> Роль российских печатных изданий в распространении знаний о Китае (XIX — начало XX вв.)	197
<i>И.В. Кульганек.</i> Три труда О.М. Ковалевского по монгольской филологии	218
<i>В.Л. Успенский.</i> О.М. Ковалевский о католичестве в Китае	230
<i>Д.А. Носов.</i> Столетие русского «рекогносцировочно-разведывательного» исследования Монголии: 1828–1928 гг.	243
<i>Гульджан Иналджик, Окан Ешилот.</i> Отчет Николая Федоровича Катанова о поездке в Минусинск (1896 г.)	253
<i>Hartmut Walravens.</i> Letters from Samuel Butler (1774–1839) to Julius Klapproth (1782–1835)	264
<i>И.Ф. Попова.</i> Неизданный сборник статей «Восточный Китай». Обзор содержания	273
<i>Н.А. Самойлов.</i> Русская почта в Китае и Османской империи в конце XIX — начале XX в.	290
<i>М.А. Козинцев.</i> К оценке научного наследия И.Н. Березина в советском востоковедении: очерк Б.М. Данцига	302
<i>Д.Е. Мартынов.</i> Доуве Фоккема: постмодернизм и китайская утопия	331
<i>Л.А. Сыченкова.</i> Типологические особенности крымско-татарской архитектуры в наследии российского востоковеда Б.А. Денике	350

<i>И.В. Герасимов.</i> Две арабские рукописи из наследия Ризаэтдина Фахретдинова в Архиве востоковедов ИВР РАН	379
<i>А.А. Арсланова, Н.Б. Пазина.</i> Материалы к неосуществленному каталогу персоязычных рукописей в коллекции Казанского Императорского университета (до 1855 г.) по черновикам профессора И. Ф. Готвальда (1813–1897 гг.)	392
<i>Ю.И. Дробышев.</i> Образ Чингис-хана в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина	421
<i>А.Ш. Кадырбаев.</i> Тюрки Дешт-и-Кыпчака и их взаимоотношения с соседними народами накануне монгольского нашествия	439
<i>Б.Л. Хамидуллин.</i> Казанское государство — цельная этнополитическая общность народов Среднего Поволжья и Западного Приуралья XV–XVI вв.	462
<i>И.Л. Кызласов.</i> Выделение земель для манихейских монастырей и храмов (Новое прочтение седьмой строки Суджинской стелы)	490
<i>С.А. Французов.</i> Персидские глоссы у ад-Дйнаварй	522
<i>Н.Н. Дьяков.</i> Алжир: война миллиона мучеников. К 70-летию начала освободительной войны в Алжире (1954–1962).	529
<i>С.А. Кириллина, В.Е. Смирнов.</i> Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии реформы высшей школы	545
Список авторов	559

Д. Е. Мартынов

Институт международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета,
Высшая школа востоковедения «Восточный разряд»

DOI: 10.48612/IVRRAN/6fzg-bvz5-96mf

ДОУВЕ ФОККЕМА: ПОСТМОДЕРНИЗМ И КИТАЙСКАЯ УТОПИЯ

Аннотация. В статье с разных позиций рассматривается последняя монография нидерландского синоведа и литературоведа Доуве Фоккема *Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West*, опубликованная в 2011 г. Это первая обобщающая работа, в которой профессиональный литературовед и культуролог, синолог, исследующий идеологию, рассматривает целостный комплекс утопических текстов, вне зависимости от их культурной принадлежности. Д. Фоккема оговаривал, что концепция утопии в Китае специфична, и находится под воздействием идей об устройстве вселенной и специфики управления. Несмотря на то, что литературоцентрическая картина мира чужда для западной культуры, Д. Фоккема провозглашал право литературы и литературоведения самостоятельно рассуждать о проблемах современности. Тем не менее, аналитического исследования огромного материала не получилось, хотя достоинства монографии как справочника подчеркивали все рецензенты. Не слишком убедительной оказалась попытка сравнительного исследования европейской и китайской утопических традиций, что связано как с недоверием к левым идеологиям, так и постулируемой противоположности исторических контекстов возникновения утопического сознания на Западе и в Китае. При этом доминанту утопического сознания — «стремление к лучшему миру» — Д. Фоккема провозглашал антропологической универсалией. Не слишком проявляется и постмодернистская парадигма, в которой исследователь работал на материале европейской литературы. В китайской историографии предпринимаются попытки проследить использование Д. Фоккемой марксистских методов, однако в монографии *Perfect Worlds* марксистские проекты провозглашены утопическими, а с точки

зрения ученого, когда утопическое обетование выходит за пределы культуры, оно тут же превращается в свою противоположность. Утопический жанр тесно связан с критикой социальной и политической действительности своего времени. Утопия — это нарратив о кризисе общества, выраженного в своей литературной традиции.

В связи с тем, что творчество замечательного нидерландского исследователя Доуве Весселя Фоккемы (*Douwe Wessel Fokkema*, 1931–2011)¹ довольно скудно и односторонне представлено на русском языке², обзор его последней работы, вышедшей в свет менее чем за полгода до кончины, представляется уместным, хотя бы и появившись со значительным опозданием. В таком положении есть известное преимущество, поскольку в нашем

¹ По-китайски фамилия передаётся точной транскрипцией 佛克马 (Fókèǎ), имя совпадает с фамилией Дж. Дьюи 杜威 (Dùwēi), что было сознательным выбором Д. Фоккемы. Китайский ученый Ван Нин утверждал, что фамилия состояла из иероглифов, отсылающих к Будде, Конфуцию (по созвучию) и Марксу. См.: 王宁. 杜威·佛克马与世界文学研究 = Douwe Fokkema and World Literature Studies // *International Comparative Literature*. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 20.

² На русском языке нам известна единственная его публикация, переведённая почти четверть века назад: *Фоккема Д. Проблемы сравнительного изучения литератур* / Пер. с англ. А.С. Мулярчика // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. М., 1989. Т. 48. С. 460–463. Кроме того, в 1997 г. вышел реферат польского перевода одной из монографий ученого: *Баранов А.И.* 97.01.007. *Фоккема Д.В. История литературы, модернизм и постмодернизм* = Fokkema W.D. *Historia literatury: modernizm i postmodernizm* // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение*. 1997. № 1. С. 22–25. Соответственно, в отечественной гуманитарии Д. Фоккема известен почти исключительно как литературовед и исследователь постмодернизма, что отразилось в «Новейшем философском словаре» (3-е изд. Минск, 2003. С. 702–703) и ряде публикаций, последовавших после 2006 г. Характерно, однако, что в «Новой философской энциклопедии» (2010) и в фундаментальной энциклопедии «Духовная культура Китая» (2006–2010) Д. Фоккема не упомянут вовсе.

распоряжении появились обстоятельные отзывы специалистов — своего рода «масштабная линейка» и пробирный камень исследователя-гуманитария.

Д. Фоккема родился 4 мая 1931 г. в Утрехте³. В 1949–1961 гг. обучался в Амстердамском и Лейденском университетах, получив степени по нидерландской литературе и современному китайскому языку. В 1963–1964 гг., получив стипендию фонда Харкнесса, работал над докторской диссертацией в Центре китайских исследований Калифорнийского университета (Беркли). В 1965 г. под руководством известного синолога Антони Хюльсева⁴ в Лейдене Фоккема защитил докторскую диссертацию (она была посвящена советскому влиянию на китайский литературный процесс в 1956–1960 гг.). В 1966 г. Д. Фоккема был назначен секретарем, а затем временным поверенным в делах нидерландского посольства в Пекине, где находился до февраля 1969 г. — застав самый острый период Культурной революции. Параллельно, с 1968 г. Доуве Фоккема был назначен старшим научным сотрудником

³ Биографические сведения приводим по: *Bertens H. Douwe Wessel Fokkema. Utrecht 4 mei 1931 – Amstelveen 23 augustus 2011 // Jaarboek van de Maatschappij der Nederlandse Letterkunde, 2013–2014. Leiden: Maatschappij der Nederlandse Letterkunde, 2015. P. 47–60.* Ханс Бертенс — ученик Д. Фоккемы.

⁴ *Anthony François Paulus Hulsewé (1910–1993)* — нидерландский синолог, специализировавшийся по древнекитайскому праву. Происходил из семейства священников из Гронингена, родился в Берлине, и был привезён на родину только в 1919 г. Окончил Лейденский университет на средства Ост-Индской стипендии под руководством Яна Дёйвендака (1889–1954). В 1931 г. Хюльсева продолжил обучение в Пекине под руководством Лян Цисюна (梁启雄, 1900–1965) — младшего брата знаменитого философа и историка Лян Цичао (梁启超, 1873–1929), в 1934 г. продолжил обучение в Японии. С 1935 г. работал в Голландском бюро по делам Восточной Азии в Батавии (Джакарта) как аналитик. В 1939 г. защитил диссертацию по проблемам Танского кодекса. В 1942–1945 гг. находился в японском Сингапурском лагере для военнопленных. С 1946 г. преподавал в Лейденском ун-те, переключившись на право эпохи Хань, в 1956 г. избран профессором (до 1975). После отставки переехал в Швейцарию.

Института литературных исследований Утрехтского университета. Полученный в Китае опыт отразился в книге воспоминаний⁵, исследовании «китайской альтернативы» в идеологии и литературе⁶ и сборнике статей⁷ под редакцией Эрика Цюрхера⁸, выпущенных в период 1970–1973 гг.⁹ В дальнейшем Д. Фоккема и Э. Цюрхер в период 1973–1983 гг. выпускали серию исследований и переводов «Китайская библиотека», и исследователь никогда не оставлял китайской проблематики. Как отмечал Ханс Бертенс, углублённые синологические штудии привели Фоккему к убеждению, что компаративистика, на которой основано серьёзное исследование другой культуры, является незаменимым инструментом познания собственной культуры — в его случае европейской¹⁰. В дальнейшем, под влиянием своей супруги Элруд Ибш¹¹ исследователь

⁵ *Fokkema D. W.* Standplaats Peking: Verslag van de culturele revolutie. Amsterdam: De Arbeiderspers, 1970.

⁶ *Het Chinese alternatief in literatuur en ideologie / [Door] D. W. Fokkema.* Amsterdam: De Arbeiderspers, 1972.

⁷ *China nu, balans van de culturele revolutie / Samengesteld door E. Zürcher en D. W. Fokkema.* Amsterdam: De Arbeiderspers, 1973.

⁸ *Erik Zürcher (1928–2008)* — нидерландский синолог. Получал образование в Лейденском и Парижском университетах, специализируясь на китайском религиоведении. Докторская диссертация (1958) посвящена проникновению буддизма в Китай. В 1962–1993 гг. избирался профессором истории Восточной Азии в Лейденском ун-те. Член Королевской Нидерландской академии искусств и наук и ассоциированный член Академии надписей и изящной словесности Института Франции. Кавалер Ордена Оранского дома и рыцарь Ордена Нидерландского льва. Сын — Эрик-Ян Цюрхер — тюрколог.

⁹ *Bertens H.* Указ. соч. Р. 50.

¹⁰ Там же. Р. 51.

¹¹ *Elrud Ibsch (1935–2013)* — нидерландский литературовед, первый профессор общего литературоведения Амстердамского свободного университета. Родилась в Ганновере (Германия), получала образование в Майнце и Париже (как музыкант-виолончелист), в 1961 г. приняла нидерландское гражданство, изучая литературу в Утрехте. С 1968 г. работала в Утрехтском ун-те, защитила докторскую диссер-

перешел на позиции формализма и структурализма, требующих «логической чистоты исследования»; оценочные суждения Фоккема выносил за пределы литературоведения, считая их задачей литературной критики¹².

Уйдя в отставку с дипломатической службы, Д. Фоккема в 1971 г. перешел на кафедру сравнительной литературы Лейденского университета, прочитав инаугурационную лекцию «Культурный релятивизм и сравнительное литературоведение» (текст ее вошел в монографию 1972 г.). В дальнейшем он специализировался на компаративном сравнении западных и незападных литератур, а в 1980 г. был избран профессором сравнительного литературоведения, в значительной степени отойдя от китаеведения. В 1973 г. вышла его первая статья о европейском модернизме, который Фоккема рассматривал, преимущественно, как метод, опираясь на подходы Ю.М. Лотмана. Неудивительно, что в 1974–1976 гг. вышли в свет работы о семиотических и структуралистских исследованиях в СССР и Чехословакии, вошедшие в монографию «Теории литературы в XX веке: структурализм, марксизм, эстетика восприятия, семиотика» (1978, 4-е изд. 1995)¹³.

В 1981–1996 гг. Д. Фоккема возглавлял в университете кафедру сравнительного литературоведения. Начиная с 1980-х гг. неоднократно приглашался для чтения лекций за пределами Нидерландов: в Гарварде, Гёттингене, Принстоне, Пекине, Чэнду и Гонконге, и др. В 1975–1981 гг. профессор Фоккема возглавлял Нидерландскую ассоциацию общего и сравнительного литературоведения,

тацию «Роль Ницше в развитии современного литературоведения» (1972), публиковала также исследования о Т. Манне. В 1976 г. возглавила кафедру Амстердамского свободного университета, где читала обязательный курс «Введение в литературоведение» и ввела преподавание теоретической поэтики. В 1977 г. в соавторстве с супругом Д. Фоккемой (для обоих это был второй брак) опубликовала исследование «Теории литературы в XX в.», основанное на базе попперовского критического рационализма. Удостоена исследовательской стипендии Александра фон Гумбольдта (1996). В отставке с 2000 г.

¹² Там же. Р. 52.

¹³ Там же. Р. 53–55.

а в 1985–1988 гг. избирался президентом Международной ассоциации сравнительного литературоведения, с 1988 г. — её почётный президент. В 1987–1994 гг. возглавлял новый Исследовательский институт истории и культуры Утрехтского университета, в котором основал исследовательскую программу «Голландская культура в европейском контексте» (последняя монография в этой серии вышла в 2001 г.). Заслуги Фоккемы отмечены Медалью Сартона Гентского университета (Бельгия), и Орденом Оранж-Нассау Нидерландского королевства. Скончался ученый 31 августа 2011 г. в Амстелвене — пригороде Амстердама¹⁴.

В научном мире Д. Фоккема создал себе репутацию исследованиями исторической эволюции теории литературы на европейском и китайском материале. Неудивительно, что его фундаментальный труд «Совершенные миры: утопическая литература в Китае и на Западе»¹⁵, опубликованный университетским издательством Амстердама в 2011 г., явился достойным завершением его научной карьеры.

Монография «Совершенные миры» — отнюдь не первая работа, в которой комплексно рассматривается феномен китайской утопии. Среди предшественников проф. Фоккемы следует назвать известного немецкого сиолога В. Бауэра, который в 1971 г. опубликовал монографию «China und die Hoffnung auf Glück»¹⁶. Примечательно, что Бауэр не рассматривал утопию

¹⁴ Там же. P. 58–59.

¹⁵ *Fokkema D. Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West.* Amsterdam University Press, 2011.

¹⁶ Наиболее известен её перевод на английский язык, выполненный в 1976 г. М. Шоу (*Bauer W. China and the Search for Happiness: Recurring Themes in Four Thousand Years of Chinese Cultural History / Tr. from the German by M. Shaw.* N.Y.: Deabury Press, 1976). Именно этот перевод вызвал множество рецензий, в том числе эмигрировавшего в Израиль В. А. Рубина (*Rubin, Vitali. The End of Confucianism? // T'oung Pao. 1973. Vol. 59. No. 1/5. P. 68–78*), с английского перевода осуществлен перевод на китайский язык (*Бао Уган 鲍吾刚 = W. Bauer. Чжунго жэньдэ синьфу гуань 中国人的幸福观/严蓓雯, 韩雪临, 吴德祖译 (Пер. с англ.: Янь Бэйвэнь, Хань Сюэлинь, У Дэцзу). Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 2004.*

в Китае ради неё самой; это произошло из-за отсутствия границ исследуемого предмета. Взяв за основу «надежду на счастье», он поставил задачу комплексного рассмотрения духовной жизни китайской цивилизации от её возникновения до Культурной революции (причём предложил тогда весьма оригинальную трактовку заплыва Мао Цзэдуна на Янцзы в 1966 г.). В отечественной историографии данная тема была фундаментально обобщена в сборнике статей «Китайские социальные утопии», опубликованного под редакцией Л. П. Делюсина и Л. Н. Борох в 1987 г. Данный труд примечателен тем, что сочетает обзорные статьи с теоретической разработкой проблем утопии в Китае, проделанной А. И. Кобзевым и А. С. Мартыновым¹⁷.

Замысел монографии Фоккемы весьма амбициозен. Это первая обобщающая работа, в которой профессиональный литературовед и культуролог, синолог, исследующий идеологию, рассматривает целостный комплекс утопических текстов, вне зависимости от их культурной принадлежности. Избрав литературоведческий метод, он, однако, заявляет в предисловии, что коренится утопия в антропологической стихии, утверждая, что «желание» было бы лучшим термином для её определения (Р. 15)¹⁸.

На основе весьма широкого эмпирического материала автор рассмотрел четыре основные гипотезы, которые можно использовать в качестве руководящих, обращаясь к исследованию утопии:

1. Утопии создаются в кризисные моменты развития общества, когда господствующая идеология больше не в состоянии соответствовать повестке дня (Р. 16). Таким образом, изображение совершенного общества — в восприятии его автора — всегда представляет собою критику социальной и политической действительности, современной автору. Следовательно, утопии есть нарратив о кризисе общества, выраженный в данной литературной традиции.

¹⁷ Китайские социальные утопии: Сб. ст. / Отв. ред. Л. П. Делюсин, Л. Н. Борох. М.: Наука, 1987.

¹⁸ Здесь и далее по тексту в скобках ссылки на страницы издания: *Fokkema D. Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West*.

2. Утопии — продукт секуляризации, к утопиям обращаются авторы, которые освободились от религиозного сознания, что в первую очередь относится к европейской литературной традиции (Р. 19). Это подтверждает взгляды английского социолога К. Кумара¹⁹, высказанные ещё в 1980-е гг. Указанное не означает, что утопии не могут быть религиозными, но побудительным импульсом к их созданию является желание построить рай на этой земле под небесами, здесь и сейчас, а не ожидать царства небесного (Р. 22). Китайская конфуцианская традиция, естественно, сильно отличалась от европейской средневековой, и породила свою модель светской культуры, совершенно отличной от западной христианской или ближневосточной мусульманской. Ни одна религия Китая не была в состоянии оспорить тотальное доминирование политической власти и, таким образом, светская культура образовала питательную среду для появления утопических идей в китайской литературе.

3. Реализованная утопия обращается в свою противоположность (Р. 21). Этот тезис позволяет провести весьма любопытное сравнение китайского и западного материала, причём Д. Фоккема заявляет, что логика развития утопического мышления прямо противоположна друг другу: Китай ассимилирует «прагматический материализм западного капитализма», Запад быстро релятивизирует свои экономические достижения, заимствуя категории, свойственные азиатским традициям — внимание к природной среде и нематериальным благам (Р. 25).

4. Китайская и европейская утопии проросли из противоположных исторических предпосылок (Р. 26). Одна из таких точек возмущения — противостояние коллективного и индивидуального блаженства, причём в китайской утопии различие между индивидуальным и коллективным не столь ярко выражено (Р. 27–28)

¹⁹ *Kumar K. Aspects of the Western Utopian Tradition // Thinking Utopia: Steps into Other Worlds / Ed. by Jörn Rüsen et al. N.Y.: Berghahn Books, 2005. P. 17–31.*

Методологически Фоккема основывался на концепциях Чжана Лунси²⁰ и В. Бауэра, которые доказывали существование автохтонной традиции утопизма в Китае и универсальность феномена утопии. Однако доктор Фоккема вынужден оговориться, что концепция утопии в Китае специфична, и находится как под воздействием идей об устройстве вселенной, так и специфики управления. Так, «Персиковый источник» (桃花源记) Тао Юаньмина (陶渊明, 365–427) в функциональном смысле признаётся аналогом «Утопии» Т. Мора — как основополагающий для традиции текст (Р. 24). Вообще для методики Д. Фоккемы характерны смелые сопоставления, так, например, «Беседы и суждения» (论语) Конфуция могут рассматриваться как однопорядковый текст с «Опытами» Монтеня. 12-я глава монографии именуется «Оксидентализм: ностальгия по утопическому прошлому даёт путь идее прогресса» (Р. 271–287)²¹. Здесь рассмотрены взгляды представителей китайской элиты между началом вторжения западных держав в Китай в 1840-е годы до «Движения 4 мая 1919 г.» и антияпонской войны сопротивления 1937–1945 гг. Особое место занимают в изложении Д. Фоккема тайпинское восстание и деятельность Кан Ювэя. Особенностью тайпинской идеологии признаётся «курьёзный» синтез христианства с кон-

²⁰ Чжан Лунси (张隆溪, р. 1947) — китайский специалист по компаративистике и кросс-культурным связям. Окончил Пекинский ун-т (магистр английской литературы, 1981). В 1989 г. в Гарвардском ун-те защитил докторскую диссертацию по сравнительному литературоведению. С 1998 г. профессор Гонконгского ун-та, иностранный член Королевской шведской академии искусств, истории и археологии (2009), Европейской академии (2013), Международной ассоциации сравнительного литературоведения (2016).

²¹ Термин *Occidentalism* введён как инверсия понятия «ориентализм» в монографиях *Bonnett A. The Idea of the West: Culture, Politics and History*. N.Y., 2004 и *Chen Xiaomei. Occidentalism: A Theory of Counter-Discourse in Post-Mao China* (издавалась в 1995 и 2002 гг.). В отечественной науке данными вопросами последовательно занимается Е. Штейнер. См.: Ориентализм / оксидентализм: языки культур и языки их описания = Orientalism / occidentalism: languages of cultures vs. languages of description: сб. ст. / Ред.-сост. Е. М. Штейнер. М.: Совпадение, 2012.

фуцианством, отринувший, однако, конфуцианскую иерархию между старшими и младшими²²; описание тайпинской идеологии даётся по В. Бауэру (Р. 273). Несколько подробнее дано описание деятельности Кан Ювэя (康有为, 1858–1927), который, вслед за Лян Цичао, в изложении Дж. Левенсона, характеризуется как «Мартин Лютер конфуцианства» (Р. 276). Его важнейшей заслугой провозглашается то, что благодаря работам Кан Ювэя «рухнул фатализм, проистекающий из концепции истории как более или менее циклического движения от подъёма к упадку» (Р. 276. Рассматривая содержание «Книги о Великом Единении», Д. Фоккема пишет, что «Кан Ювэй эклектически заимствует западную физику, эволюционную теорию Дарвина, марксизм и даже, по-видимому, “Государство” Платона и “Через сто лет” Э. Беллами²³, однако не даёт точных ссылок, позволяющих это подтвердить» (Р. 278). Изложение *Да тун шу* 大同书 («Книги о Великом единении») даётся Фоккемой по переводу Л. Томпсона и анализу Фэн Юланя (冯友兰, 1895–1990).

В общем, книга Фоккема столь же оптимистична по духу, как и большинство разбираемых и упоминаемых им текстов. Он сравнивает утопию с «солнцем в тумане» и настаивает, что утопия будет надёжным проводником и обетованием для человечества, задающей позитивные цели и лучший мир, чем тот, который мы застали.

²² Характерно, что А.В. Ломанов, рассматривая догматические особенности «христианства» Хун Сюцюаня, пришёл к прямо противоположным выводам: отношения лиц Пресвятой Троицы рассматривались тайпинами через призму традиционной китайской семейной этики. Следовательно, сыновство Иисуса Христа по отношению к Богу-отцу не означало отсутствия у Него божественности, но не делало Христа равным Богу-отцу. См.: Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит., 2002. С. 364–367.

²³ Мы используем название перевода Ф. Зинина (1891) переизданного в 2018 г.: Беллами Э. Через сто лет: Роман / Пер. Ф. Зинина // Собр. соч. в 2 т. Т. 1. М.: Терра; Книж. клуб «Книговек», 2018. С. 5–198. В дореволюционной России роман Беллами выходил, как минимум, в трех разных переводах под названиями «Будущий век», «Золотой век» и «В 2000 году».

Обратимся и к другим отзывам на интеллектуальное наследие нидерландского исследователя. В первую очередь, рассмотрим статью профессора шанхайского университета Цзяотун Ван Нина²⁴, опубликованную в 2023 г. Наиболее ценным в наследии Д. Фоккемы Ван Нин называл то, что нидерландский исследователь, помимо основных европейских языков, владел также русским и китайским, что делало возможным использование не только источников, но и последних теоретических достижений, и это накладывалось на подлинно «космополитический ум»²⁵. Ван Нин переписывался с Фоккемой с 1989 г., пытаясь убедить своего голландского коллегу, что постмодернизм приобрел большую популярность в Китае, что привело к существенному изменению взглядов Фоккемы и стало толчком к принятию в Нидерландах ряда исследовательских программ в области гуманитарной компаративистики²⁶.

Андреа Бахнер, профессор Университета штата Пенсильвания (США) помещала «Совершенные миры» в контекст больших нарративов Э. Ауэрбаха или Р. Курциуса, и метафорически обозначала исследование как «узорчатый гобелен», обеспечивающий читателю диахронический охват и межкультурный масштаб; изложение при этом вполне доступно и для неспециалиста. Издаваемые на Западе работы по сравнительному литературоведению далеки от формата монографии Д. Фоккемы, «как по концептуальным, так и по прагматическим причинам». В частности, выбор предмета исследования — утопического жанра — «смелый жест», как в политическом, так и научном отношении, так как литература о совершенном обществе неизбежно синтезирует политический трактат, аксиологическую и этическую проблематику, и собственно беллетристику как инверсию реального мира. Согласно мнению А. Бахнер, Фок-

²⁴ 王宁. 杜威·佛克马与世界文学研究 = Wang Ning. Douwe Fokkema and World Literature Studies // International Comparative Literature. 2023. Vol. 6, No. 1. P. 7–22. DOI: 10.19857/j.cnki.ICL.20236101.

²⁵ Там же. P. 9.

²⁶ Там же. P. 15.

кема подтверждал право литературы и литературоведения самостоятельно рассуждать о проблемах современности, ибо литературоцентризм чужд Европе и США, где изящной словесности отведена роль развлечения, а её исследователей воспринимают как «узников башни из слоновой кости». Утопическая литература двулика, включая описания идеального общества (эвтопия) или наихудшего варианта развития человечества (дистопия)²⁷ и является одной из точек пересечения литературы и реальности, где происходит их взаимодействие (в терминологии А. Бахнер «суггестивное и проблемное»). Таким образом, через всю монографию Д. Фоккема красной нитью проходит доказательство синтетического или гибридного статуса литературных утопий. Ключевые характеристики жанра завязаны на социально-политический контекст возникновения того или иного текста. Поэтому Д. Фоккема прослеживает исторический и интеллектуальный контекст каждого из разбираемых текстов, активно применяя диахронический подход. Ученый принимает индивидуальный диалектический взгляд: то, что для одного читателя и исследователя является эвтопией, предстаёт для другого антиутопией (дистопией), что сильно зависит от соотношения степени индивидуальной свободы и общественного принуждения в каждый конкретный исторический момент. Утопическая фантастика существует в обширном интертекстуальном поле, которое диагностирует (иногда явно, иногда потаённо) определенные общественные и литературные традиции. Однако связать западные и восточные литературы удастся далеко не в одинаковой степени. В XVIII–XX вв. литературы европейских стран, США и России существовали в едином смысловом и культурном поле, тогда как выход за пределы этого пространства иллюстрирует примеры ориентализма и оксидентализма и заставляет обращаться к иным стратегиям нарратива. Поэтому Д. Фоккема, как и любой другой оказавшийся на его

²⁷ О терминологии: *Клеес Г. Утопия и утопизм: история осмысления понятий / Пер. с англ. Т. Приходько // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2018. № 3. С. 148–160.*

месте исследователь, вынужден расширять границы предмета. Можно ли рассматривать конфуцианский идеал благородного мужа 君子 (*цзюньцзы*) частью утопического дискурса? Или является ли роман Ван Шо «Пожалуйста не называйте меня человеком» (千万别把我当人, 1989)²⁸ сатирой или антиутопией и где границы между этими понятиями? Подобные вопросы как нельзя лучше иллюстрируют сложность взваленных на себя исследователем задач. С одной стороны, он настаивает на универсальности утопий, наличия утопического сознания во всех культурах и литературах, что не отменяет радикальных различий утопий Запада и Китая, характеризующихся до начала XX в. ориентациями, соответственно, на будущее и идеализированное прошлое²⁹.

Доцент Орегонского университета Рой Чан (специалист по сравнительным литературам России и Китая) на первое место выносил всеохватную лингвистическую и литературную эрудицию Д. Фоккемы, и даже утверждал, что сама по себе литературная компаративистика «по-своему реализует глобальный утопический импульс». Однако, в конечном счете, по мысли Р. Чана, исследователя постигла неудача — слишком широкий охват привёл к тому, что вместо аналитики, значительная часть семнадцати глав состоит из сюжетных резюме. Это несколько не снижает справочной ценности «Совершенных миров», причем книга является и опорной точкой для более глубокого анализа отдельных произведений. Рецензент отметил, что между строк исследования можно прочесть как очевидное увлечение Д. Фоккемы утопической мыслью, так и неприятие любых попыток реализации утопических проектов в политической практике. Для ученого, становление которого пришлось на годы Холодной войны, и который стал свидетелем Культурной революции

²⁸ См. Бекметьева Р.С. Язык современной китайской литературы на примере творчества Ван Шо // *Global and Regional Research*. 2019. Т. 1. № 1. С. 153–156.

²⁹ *Bachner A.* Review: [Douwe Fokkema. *Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West*] // *The Comparatist*. 2013. Vol. 37, May. P. 319–321. DOI: 10.1353/com.2013.0029.

в Китае, совершенно неудивительно «уничтожающее презрение к левым идеям, и в частности к марксизму»³⁰, который он отвергает как утопическую идеологию (Р. 207–209). Между тем собственные политические ориентиры исследователя достаточно размыты, тогда как данная позиция важна при создании рабочего определения, «что составляет утопию». Включение китайских текстов в домен аналитического исследования утопических идей является достоинством монографии, позволяя проводить убедительное сопоставление китайской и западных утопических традиций. Здесь Р. Чан отметил, что утверждение «секуляризма» конфуцианства в сравнении с «утопической ограниченностью» христианства может показаться назойливым и навязчивым: реальное культурное поле «сопротивляется» бинарной категоризации «религиозного/светского». Напротив, именно новозаветный образ Града на холме предоставил культуре весьма существенные «поэтические ресурсы», и является мотивирующим для англо-американской политики в XXI в. Более того, Фоккема завершил свое исследование панегириком либеральной демократии, Европейскому Союзу, единому рынку и единой валюте евро, параллельно «демонстрируя возможность того, что мы существуем в кризисной эпохе, которая может подстегнуть рождение новых утопий» (Р. 399–400)³¹.

Ханнес Бергталер, профессор Чжунсинского университета на Тайване, вводил «Совершенные миры» в более широкий контекст. Фоккема поставил чрезвычайно амбициозную задачу — оформить концептуальную основу, достаточно широкую, чтобы получить инструмент изучения всех проявлений утопической литературы безотносительно ее культурного происхож-

³⁰ В этом контексте весьма примечательны суждения Ван Нина, демонстрировавшего, что Фоккема активно использовал опыт марксистской методологии, с которой не конфликтовал его постмодернизм. См.: *Wang Ning*. Douwe Fokkema and World Literature Studies. P. 8, 11, 14, 20–21.

³¹ *Chan R.* Book Review: [Perfect Worlds: Utopian Fiction in the China and the West by Douwe Fokkema] // *Comparative Literature Studies*. 2014. Vol. 51. No. 4. P. 695–698.

дения. Утопическое сознание — «стремление к лучшему миру» (Р. 15), Д. Фоккема полагал антропологической универсалией, выстраивая на этом допущении четыре гипотезы, которые мы охарактеризовали выше. При этом исследователь не прилагал усилий, чтобы систематически разработать и каким-либо образом обосновать высказанные тезисы; они служат одновременно реперами и отправными точками для ориентирования в грандиозном пространстве китайской, голландской, английской, французской, немецкой, итальянской и русской литературы. Х. Бергталер находил некоторые несообразности в отобранном материале: в частности, Фоккема подробно рассматривал «Книгу Марко Поло» или «Доброго человека из Сезуана» Б. Брехта только для того, чтобы отвергнуть их утопическую природу. При этом, по мысли критика, наиболее интересными оказывались именно те главы, где автор отклонялся от генеральной темы своего исследования, например, рассматривая Китай в европейских утопических фантазиях, или излагая ход дискуссий о нигилизме в России XIX в. Ханнес Бергталер решительно отверг проводимое Фоккемой объединение «стремления к лучшему миру» европейского утопизма и классической китайской литературы в едином родовом понятии («различия перевешивают сходства»). Как мы уже упоминали выше, «Персиковый источник» Тао Юаньмина Фоккема объявлял китайским эквивалентом «Утопии» Томаса Мора, т.е. прототипом, устанавливающим традицию утопического нарратива. Слабым местом этого утверждения является то, что в «Персиковом источнике» не содержится существенных политических и экономических подробностей описываемого гармонического общества и это противоречит собственному рабочему определению утопии, предложенному и используемому Д. Фоккемой. «Персиковый источник» имеет больше сходства с античными и барочными буколическими идиллиями, или даже квазирелигиозными аллегориями. Х. Бергталер полагал более продуктивным акцент на самобытность западной и китайской традиций, что позволит гораздо яснее понять тонкие процессы межкультурного восприятия. Напротив, одними из самых удачных у Фоккемы названо описание того, как Лао Шэ успешно син-

тезировав условности западного утопического жанра в «Записках о кошачьем городе». Второй существенной слабостью позиции Д. Фоккемы Х. Бергталер объявил «концепцию секуляризации». На протяжении всей книги гипотеза о связи утопии и секуляризации остаётся неопределенной, а ее применение к китайской культуре прямо названо сомнительным. Тезис о связи западного утопического сознания с секуляризацией неоспорим, ибо связан с объективными историческими процессами — Реформацией, когда в сознании гуманистов впервые появилась вера в возможность улучшения социальных условий на рациональной основе. Фоккема проводил аналогии между ренессансным гуманизмом и конфуцианством на том основании, что конфуцианское учение сосредоточено на благосостоянии человека в подлунном мире и избегает сверхъестественных явлений³². Однако Х. Бергталер полагает, что «это равносильно упущению именно тех форм западного секуляризма, которые сделали его... исторической силой». Более того: конфуцианский идеал нравственного совершенствования неотделим от учения об управлении, сообразном Дао, в котором правитель следует вселенским процессам, а не пытается наводить общественный порядок силой. В этом плане конфуцианский общественный идеал недалеко отошёл от даосского «недеяния» 无为 (*увэй*). Активный характер государственная власть приобрела в доктрине легистов, однако о ней Д. Фоккема не упоминал, а конфуцианские и даосские теоретики равно негативно относились к любым волюнтаристским попыткам переустройства социума, т.е. именно того волевого начала, которое лежит в основе западного утопизма³³.

³² О параллелях в идеологии ренессансного гуманизма и китайского мандарината см.: *Кобзев А.И.* Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит., 2002. С. 28–32. См. также: *Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А.* Рецензия: [Maissen T., Mittler B. Why China did not have a renaissance — and what that matters: an interdisciplinary dialogue] // Современные востоковедческие исследования. 2020. Т. 2, № 5. С. 132–137.

³³ *Bergthaller H.* Review: [Fokkema, Douwe: Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West] // *Arcadia*. 2012. Vol. 47, iss. 2. P. 500–503. DOI: 10.1515/arcadia-2012–0030.

Литературовед Рудольфус Теюэн (Национальный университет Сунь Ятсена, Гаосюн, Тайвань) также начинал свой обзор «Совершенных миров» с перечисления четырех тезисов Д. Фоккемы, акцентируя внимание на то, что изложение гораздо менее догматично, нежели заставляет предполагать введение. Более того, гипотезы, положенные в основу монографии вновь появляются только в заключении к работе в целом, в сущности, не могли быть подвергнуты фальсификации (в контексте методологии К. Поппера). Р. Теюэн отметил, что глубинной целью Д. Фоккемы являлась демонстрация, что взаимоосознание европейской и китайской культур происходило по мере их перекрестного развития во взаимовлиянии. В сколько-нибудь заметных масштабах данный процесс фиксируется не ранее XVII в. и продолжается до сих пор. «Книга о Великом единении» Кан Ювэя характеризуется Р. Теюэном как «один из главных примеров китайского западничества XIX в.». В целом Д. Фоккема представил убедительную картину источников китайского антиутопизма двадцатого века, «щедро приправленную постмодернизмом». Свой обзор Р. Теюэн завершает метафорически: в свое время теолог Исаак Казобон (1559–1614) рассматривал мифологию как совокупность знаний, представленных в виде «фрагментов мозаики», требующих лишь преобразования посредством «Ключа ко всем мифологиям»³⁴. В XXI в. Доуве Фоккема представил некое подобие «Ключа ко всем утопиям»³⁵.

Заключение

Историю утопических учений автор этих строк считает весьма сложной для классификации дисциплиной, которая находится на пересечении исследовательских доменов интеллектуальной

³⁴ Р. Теюэн не разъяснял метафоры «мифологического ключа Казобона»; заимствуем объяснение из следующего источника: *Tang M. The end(s) of Myth in Middlemarch: The Poetics and Politics of Literary Experience // Lectures et écritures du mythe / édité par Pascale Renaud-Grosbras et Sophie Marret. Presses universitaires de Rennes, 2006. URL: <https://books.openedition.org/pur/37975>.*

³⁵ *Teeuwen R. Review: [Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West by Douwe Fokkema] // Utopian Studies. 2015. Vol. 26. No. 1. P. 260–264.*

истории, философии, литературоведения, отчасти, социологии и психологии, и собственно художественной литературы. Востоковедческие исследования утопической мысли до сих пор остаются единичными, несмотря на колоссальный объем источников, введенных в научный оборот за последние полтора века и бурное развитие практически всех отраслей востоковедения. Одним из примечательных объяснений такого парадокса является невозможность одновременного декларирования отказа от европоцентризма и признания западного генезиса современного научного знания. Более того, в историографии существует фундаментированное обоснование искусственности любых культурных универсалий, что, в частности, объясняет отсутствие точных аналогов утопических проектов в истории восточных культур до их активного взаимодействия с Западом после начала колониальной и империалистической агрессии. В практическом плане для востоковедов это означает не умаление базового компаративного метода, а усложнение задачи поиска потенциально сравниваемых культурных явлений и объектов. В этом плане парадоксально востоковеды не могут отказаться от позитивистского подхода — накопления и коллекционирования фактов и увеличения числа доступных источников, ибо это непрерывно повышает надежность сравнения и позволяет до известной степени «примирить» внешне похожие, но принципиально разные по генезису феномены. Формула же «Понять — значит упростить» в научном знании подчас является фатальной, что и продемонстрировали критики героя настоящей публикации.

D. E. Martynov

Douwe Fokkema: Postmodernism and Chinese Utopia

Summary. The article examines the last monograph by Dutch Chinese studies and literary scholar Douwe Fokkema, *Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West*, published in 2011, from different perspectives. This is the first comprehensive work in which a professional literary scholar and cultural scientist, a Chinese studies scholar who studies ideology, examines a comprehensive set of utopian texts, regardless of their cultural

affiliation. D. Fokkema stipulated that the concept of utopia in China is specific and is influenced by ideas about the structure of the universe and the specifics of governance. Despite the fact that the literature-centric picture of the world is alien to Western culture, D. Fokkema proclaimed the right of literature and literary criticism to independently discuss the problems of modernity. Nevertheless, an analytical study of the enormous amount of material did not work out, although the merits of the monograph as a reference book were emphasized by all reviewers. An attempt to compare the European and Chinese utopian traditions turned out to be not very convincing, which is connected both with mistrust of leftist ideologies and with the postulated opposition of historical contexts of the emergence of utopian consciousness in the West and in China. At the same time, D. Fokkema proclaimed the dominant feature of utopian consciousness — «the desire for a better world» — to be an anthropological universal. The postmodern paradigm, in which the researcher worked on the material of European literature, is not very evident either. In Chinese historiography, attempts are made to trace D. Fokkema's use of Marxist methods, however, in the monograph *Perfect Worlds*, Marxist projects are proclaimed utopian, and from the scholar's point of view, when a utopian promise goes beyond the boundaries of culture, it immediately turns into its opposite. The utopian genre is closely connected with criticism of the social and political reality of its time. Utopia is a narrative about the crisis of society, expressed in its literary tradition.